
Хозяйка
Блэквуд-Холла
Анна Ларен

Анна Ларен
Хозяйка Блэквуд-Холла

https://litres.ru/74811272
SelfPub; 2026

Аннотация

Айрис Вуд приезжает в Блэквуд-холл с папкой отцовских чертежей и надеждой спасти семейное дело. Она знает, как вернуть жизнь запущенному парку. Куда труднее убедить окружающих, что женщина способна руководить работами - и сама распоряжаться своей судьбой.

У виконта Бенедикта Блэквуда остаётся несколько недель, чтобы жениться. Иначе управление доходами имения окажется в чужих руках. Его предложение неожиданно, но условия разумны: Айрис сохранит собственное дело, получит отдельные комнаты и сможет продолжить работу. Такой брак обещает обоим выход из затруднений.

Однако за сдержанностью Бенедикта Айрис всё чаще замечает нежность, а сама начинает ждать его шагов в коридоре. Теперь ей есть что потерять помимо заработка. Сумеет ли она довериться мужу, не поступившись свободой, которую так тщательно оговорила до свадьбы? И готов ли он разделить с ней жизнь, в которой привык решать всё один?

Содержание

Глава 1. Дорога из Дерби 4
Глава 2. Две недели 17
Глава 3. Нивелир 22
Глава 4. Ржавая вода 27
Глава 5. Три поля 32
Глава 6. Книги и земля 38
Глава 7. Письмо Мэг 44
Глава 8. На верхней террасе 50
Глава 9. Письмо с лавандой 57
Глава 10. Срок Бенедикта 63
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Анна Ларен
Хозяйка Блэквуд-Холла

Глава 1. Дорога из Дерби

Колеса наемного дормеза вязли в жидкой грязи проселочной дороги, и через каждые полмили из-под обода вылетали брызги бурой, глинистой жижи. Лошади шли шагом уже добрый час: после развилки у Литтл-Блэквуда дорога перестала быть дорогой, превратившись в узкую колею между голых осенних изгородей, по которой разъехаться две телеги могли лишь с трудом.

Айрис Вуд опустила промасленное стекло и впустила в карету сырой октябрьский воздух. Пахло прелой листвой, торфяным дымом дальних очагов и холодной речной водой, поднимавшейся от низин белыми полотнищами тумана. Она дышала глубоко и ровно, стараясь не думать о том, что последняя горячая еда была у нее шесть часов назад, на станции в Дерби, а промокшие от вечерней сырости носки давно остыли в тяжелых кожаных полусапожках.

Впрочем, дорожные неудобства занимали ее меньше всего.

На коленях у Айрис лежала папка из толстой воловьей кожи. Углы ее стерлись до рыжеватых зазубрин, медные замки

потемнели от многолетней лондонской копоти, а через всю крышку тянулась едва заметная царапина — след, оставленный однажды отцовским сапожным ножом, когда он в дороге подрезал заусенец. Внутри папки лежали расчеты уровней террас, пробы дербиширского грунта и последние чертежи Томаса Вуда, выверенные до последнего дюйма. Они были единственным, что осталось у Айрис от отца, и единственным, что у нее не могли отнять кредиторы.

На последнем спуске экипаж так сильно тряхнуло, что один из замков отскочил. Айрис прижала крышку ладонью и нащупала под ней край сложенного вчетверо письма. Бумага за эту дорогу размялась на сгибах. Утром, пока кучер укладывал багаж, она успела прочесть её ещё раз, хотя знала наизусть и день, к которому её ждали, и сухую, неровную подпись внизу.

Отец сказал бы, что она напрасно перечитывает письмо. Уклон от этого не переменится, а уклон был сейчас важнее всего.

Когда отец умер четыре месяца назад, на его конторку легла пачка неоплаченных счетов из питомников Кента и Суррея. Болезнь сожрала его быстро и безжалостно — за полгода от крепкого пятидесятилетнего мужчины не осталось и тени, — а вместе с ним умерли и те заказы, которые должны были покрыть долги. Айрис похоронила его в конце июня, продала обстановку конторы, рассчитала помощника и осталась одна посреди лондонской грязи с чертежами, нивелиром и

репутацией, которая еще дышала, но уже начала слабеть.

А потом явился мистер Годфри Эванс.

Он пришел в траурной неделе, в черном сюртуке, пахнущем дешевым табаком и лавандовой водой, и говорил с ней тем сладким, вкрадчивым голосом, каким говорят с больной лошадью, которую надеются купить за бесценок.

«Полноте, дорогая Айрис. Женщине не пристало месить сапогами глину и торговаться с поденщиками. Отдайте мне отцовские векселя, назовите день венчания — и вам больше никогда не придется думать о деньгах».

Она не отдала векселя. Она ответила ему ледяным молчанием и заперла за ним дверь, зная, что он вернется. И он вернулся — дважды. Во второй раз уже без сладости, с угрозой предъявить закладную на питомник.

Когда он ушёл, Айрис долго стояла у конторки, перебирая ключи, которые зачем-то продолжала держать в руке. В питомнике к осени оставалось немного деревьев. Молодые грабы следовало рассадить, а два ряда яблонь, принявшихся на удивление хорошо после сырой весны, ещё можно было продать. Эванс видел всё это. В прошлый его приезд он прошёлся между рядами в светлых замшевых перчатках и спросил, какой доход давала земля при её отце. Ни одного дерева он тогда не назвал по имени.

Именно тогда, перебирая бумаги отца, Айрис наткнулась на неоконченное письмо. Оно лежало в самом низу ящика, под старыми путевыми тетрадями, перевязанное выцветшей

лентой. На плотном листе рука Томаса Вуда выводила аккуратные строки, адресованные виконту Блэквуду. Отец уже дважды бывал в его имении и теперь предлагал начать с нижней террасы. До расчёта дело не дошло. Последняя строка обрывалась посреди слова.

Айрис переписала письмо начисто, приложила свой расчёт и подписала его просто: «Т. Вуд и преемники». Только вечером, когда письмо давно унесли, ей пришло в голову, что надо было поставить рядом собственное имя. Через десять дней пришёл ответ с приглашением прибыть в Блэквуд-Холл. Так она оказалась здесь — на краю дербиширской пустоши, в скрипящем дормезе, с чужой землёй под колёсами и собственным страхом, свёрнутым в тугой узел где-то под рёбрами.

Кучер придержал лошадей. Поперёк колеи, там, где изгородь отступала от дороги, текла вода. На одном берегу она стояла вровень с травой, на другом успела вымыть под корнями ольхи яму, в которой крутились два жёлтых листа. Айрис видела, как один из них наконец выскользнул и понёсся вниз, за поворот изгороди.

— Это уже земля лорда Блэквуда? — спросила она.

— Вон с того столба, мисс. А раньше, бывало, по сухому проезжали.

Он привстал на козлах, выбирая, где пустить лошадей. Колесо с её стороны медленно опустилось в воду и выскочило на камень. Папка опять раскрылась. На этот раз Айрис пере-

хватила её обеими руками.

Дорога пошла вверх, и сквозь туман проступили деревья.

Это были не те аккуратные, подстриженные аллеи, к которым привык глаз Айрис за годы работы у столичных заказчиков. Парк Блэквуд-Холла не просто был запущен — он одичал до угрюмого величия. Вековые буки давили друг на друга разросшимися кронами, не пропуская свет к подлеску; нижние ветви тисов почернели от вечной сырости; живая изгородь вдоль аллеи давно растеряла геометрию, расползшись во все стороны, как спутанная шерсть. Кое-где меж стволов белели остовы поваленных берез, брошенных гнить там, где они рухнули.

Айрис смотрела на все это не как путешественница, а как мастер. Ее взгляд машинально делил пейзаж на участки, прикидывал уклон склона, замечал, где вода застаивается, а где почва сползает к оврагу. Отец всегда говорил: «Запущенная земля не лжет, Айрис. Она сразу показывает, о чем хозяин перестал думать».

Судя по этой аллее, виконт Блэквуд не думал о красоте лет десять. Или думал о чем-то таком, рядом с чем подстриженные изгороди казались пустой насмешкой.

Экипаж обогнул пологий поворот, и за деревьями поднялся дом.

Блэквуд-Холл был выстроен из серого дербиширского песчаника — массивный, двухэтажный, с высокими узкими окнами и строгой, почти безжизненной линией карниза. Ни

башенок, ни лепнины, ни увитых плющом стен, какие так любят рисовать в альбомах для путешественников. Дом стоял на взгорье, как часовой, не собиравшийся ни заманивать, ни пугать: он просто был. Северный фасад уже отсырел от осенних дождей, и по каменным углам расползлись темные потеки, а на парапете западной террасы сидели, нахохлившись, две мокрые вороны.

Когда кучер натянул поводья у крыльца, из дверей уже выходил дворецкий.

Это был пожилой, высокий мужчина с лицом цвета старой слоновой кости и той особой, несгибаемой осанкой, которая говорила о сорока годах безупречной службы. Он был облачен в строгий, слегка старомодный фрак, а его седые бакенбарды были подстрижены с педантичной аккуратностью. Открыв дверцу экипажа, он окинул Айрис взглядом, в котором профессиональная вежливость боролась с откровенным недоумением.

— Мисс Вуд? — произнес он, и в его голосе прозвучала та особая, непередаваемая интонация, с какой слуги встречают гостей, оказавшихся не на своем месте. — Его сиятельство ожидал… мистера Вуда. Мастера по планировке угодий.

— Мистер Вуд скончался в июне, — спокойно ответила Айрис, поправляя дорожную шляпку из темного фетра. — Я работала с ним двенадцать лет. Его сиятельство пригласил человека из мастерской. Письмо, на которое он ответил, писала я.

Она вынула приглашение и подала ему. Дворецкий взглянул на подпись.

— «Т. Вуд и преемники», — прочёл он.

— Да. Преемник пока один.

Она сказала это суше, чем хотела. Дворецкий поднял глаза, но ничего не ответил и отошёл от дверцы, чтобы она могла спуститься. Под подошвой скользнул мокрый камень. Айрис ухватилась за край экипажа, успела удержаться и увидела, что дворецкий уже протянул руку. Он опустил её с той же невозмутимостью, с какой открыл дверцу.

Дворецкий медленно перевел взгляд на ее багаж. Там, помимо единственного саквояжа и потертого кофра с платьями, кучер с явным усилием снимал с козел длинный деревянный футляр с нивелиром и тяжелый чертежный тубус. Судя по тому, как дрогнули бакенбарды дворецкого, нивелир произвел на него впечатление большее, чем все слова Айрис.

— Футляр можно поставить где угодно, лишь бы в сухом месте, — сказала она. — Папку я возьму с собой.

— Прошу вас в малую приемную, мисс Вуд, — наконец произнес он, склоняя голову ровно настолько, насколько требовал этикет. — Я доложу милорду о вашем прибытии. Меня зовут Хартли.

— Благодарю вас, мистер Хартли.

Внутри дом оказался холоднее, чем снаружи.

Пахло воском для паркета, старой бумагой и камнем. Никаких цветов в вазах, никаких мягких ковров, смягчающих

гул шагов, — только высокие окна, сквозь которые в анфиладу вливался серый вечерний свет, да портреты в тяжелых темных рамах, смотревшие со стен с той же суровой безучастностью, что и сам дом. Камин в малой приемной был едва протоплен, и Айрис, не садясь в глубокое кресло, подошла к окну, выходившему на восточный склон.

Отсюда открывался вид на заросший пруд. Даже в сгущавшихся сумерках она видела: нижний шлюз подтекал. У берега стояла бурая стоячая вода, затянутая ряской, а гравийные дорожки по склону были изрезаны глубокими промоинами — следом весенних паводков, которых никто не отвел. Ниже, на нижней террасе, темной стеной стояли вековые вязы, и Айрис, прищурившись, разглядела, что часть корней уже обнажилась и потемнела от гнили.

Работы здесь не на два месяца, подумала она, машинально растирая озябшие пальцы. Здесь на год, если не больше. Если только хозяин не выставит меня за порог раньше, чем я успею разложить чертежи.

На подоконнике лежала дохлая муха. Айрис сдвинула её к раме краем перчатки и попробовала увидеть за вязами овраг, обозначенный у отца двумя короткими штрихами. Из окна он казался совсем близким. Отец, однако, любил снимать верхние отметки, пока помощник носил рейку, и в его тетрадях всегда находилось больше сведений о том месте, где он мог поставить треногу, чем о земле в конце чужого поля. Прежде чем переписывать начисто его числа, Айрис обыч-

но просила пройти с ней весь путь ещё раз. Он ворчал, брал трость и шёл.

Внизу, у самой воды, что-то шевельнулось. Она приняла это за человека и подалась к стеклу, но то была ветка, которую ветер то прижимал к воде, то отпускал. Всякий раз, когда ветка поднималась, из-под неё показывалась полоска светлого камня.

За спиной скрипнула дверь.

Айрис обернулась, ожидая увидеть дворецкого. Но на пороге стоял человек, которого она не ждала, — и по одному его виду, по манере стоять, расставив крепкие ноги в высоких, заляпанных грязью сапогах, Айрис сразу поняла, кто перед ней.

— Григгс, — коротко бросил вошедший, не здороваясь и не снимая засаленного картуза. — Управляющий угодьями. Стало быть, вы и есть та самая барышня из Лондона, что приехала указывать нам, как копать?

Это был коренастый йоркширец с лицом, выдубленным ветрами до цвета сыромятной кожи, и руками, походившими на корни старого дуба. Он смерил Айрис с головы до ног — от аккуратной шляпки до подола дорожного платья — и не потрудился скрыть усмешку, тронувшую угол его обветренных губ.

— Айрис Вуд, — ровно представилась она, не отводя взгляда. — Я приехала осмотреть парк.

— Парка, значит, — протянул Григгс, оглядываясь на

дверь, будто ища поддержки. — А я-то думал, барышни из Лондона умеют только в альбомах незабудки малевать да в ладоши хлопать, когда поденщики спины гнут.

Айрис не стала отвечать на это. Она расстегнула папку, вынула сложенный вдвое чертеж нижней террасы и развернула его на столе. Лист был исчерчен тушевыми линиями и пометками высот, выведенными безупречной, каллиграфической рукой.

— Отсюда до вязов у вас весной идёт вода? — спросила она.

Григгс не подошёл.

— Весной она везде идёт.

— А здесь держится и сейчас. С дороги видно.

Она придержала загнувшийся угол листа. Под ним была дата, которую отец ставил на каждом плане, иногда забывая подписать самый план. Григгс всё-таки придвинулся. Он наклонил голову, глядя на тонкую дугу, проведённую от нижнего шлюза к оврагу.

— Это старый водоток, — сказала Айрис. — На плане он открыт. Сегодня с аллеи я увидела на его месте насыпь. Давно её сделали?

— Третью осень стоит. Подсыпали после починки плотины.

— Чем?

— Щебнем. Что было под рукой, тем и подсыпали.

Теперь он взял чертеж обеими руками — осторожно, как

берут чужую, опасную вещь, — поднес к свету и долго разглядывал, шевеля седыми бровями.

— Ваш отец эту канаву сам мерил, — сказал он наконец. — Сапог у него тогда так засосало, что я вытащил сапог, а он остался по колено в глине.

Айрис посмотрела на его руки. Ей вдруг захотелось спросить, смеялся ли отец, когда это случилось. На чужой земле и при чужих людях он обычно сердился, а вечером, рассказывая ей, смеялся первым.

— Стало быть, и вы помните, куда она выходила, — сказала она.

— В овраг. Как у вас тут нарисовано.

— А дальше?

Григгс оторвался от листа.

— Дальше вода в ручье.

— Под дорогой?

— Прежде шла под дорогой. Теперь иной раз и поверх неё.

Она вспомнила яму под ольхой и жёлтый лист, который всё никак не мог из неё выбраться. Дорога была много ниже пруда. Если ручей уже выходил из берегов в октябре, следовало узнать, сколько воды он примет весной.

— Под насыпью, вероятно, ещё можно найти старое русло, — сказала Айрис. — Но прежде я хотела бы спуститься к дороге и посмотреть, где ручей пересекает её и куда идёт дальше. Ваших людей для этого не понадобится.

— Их и для насыпи пока не дадут, — буркнул Григгс. — Милорд ещё никого не нанял.

— Я знаю, мистер Григгс.

Он провёл ногтем вдоль линии оврага до того места, где она кончалась, и вернул ей план. У двери помедлил.

— С нижней террасы туда не ходите. Под вязами тропа осела. Если пойдёте, то от восточных ворот.

С этими словами он вышел, оставив на паркете две тёмные полосы от каблуков.

Айрис осталась одна.

Вечер сгущался быстро. За окном пруд уже тонул в темноте, и лишь дальняя кромка леса еще серела в последнем свете, уходящем за холмы. Айрис подошла к высокому окну и, прислонившись лбом к холодному стеклу, посмотрела на этот дом, на эту землю, на эти мокрые вороны на парапете.

Вдали, за чертой деревьев, зажглось окно. Она не различала ни крыши, ни стен, только ровный жёлтый свет в том месте, где склон переходил в низину. На отцовском плане там ничего не было. Айрис раскрыла папку и, пока ещё можно было видеть, положила на это место карандаш.

В дверях снова показался мистер Хартли.

— Его сиятельство примет вас завтра в десять утра, мисс Вуд, — бесстрастно объявил он. — Я велел приготовить вам комнату в гостевом флигеле. Ужин подадут туда в течение часа.

— Благодарю, — кивнула Айрис.

Она сложила чертёж, забрала саквояж и пошла следом за дворецким по длинному полутёмному коридору. В одном из высоких окон ещё держался остаток света. Проходя мимо, Айрис снова повернула голову, но отсюда был виден только парк. Окно в низине скрылось за деревьями.

Глава 2. Две недели

Наутро туман поднялся до окон гостевого флигеля. Айрис отодвинула занавеску и увидела внизу дорожку из тёмного гравия и на ней две полосы, оставленные колёсами. По одной из них текла вода. Там, где дорожка поворачивала к дому, вода уходила в траву, и трава была зеленее, чем везде вокруг.

На подносе, принесённом к завтраку, лежала записка от мистера Хартли. Он просил её явиться без четверти десять. Айрис посмотрела на часы. Вчера ей было сказано десять ровно, и она отвела себе эти четверть часа на то, чтобы ещё раз разобрать бумаги. Теперь пришлось оставить на столе завтрак и взять с собой оба расчёта, хотя один из них она вовсе не собиралась показывать.

В библиотеке горел камин. Бенедикт стоял у окна, держа письмо её отца против света. Он был высок — на добрую голову выше Айрис, — широкоплеч и строен той сухой, поджарой статью, какая даётся многолетней верховой ездой и привычкой к открытому небу. Тёмно-серый сюртук был из превосходного сукна, строгий шейный платок скрепляла серебряная булавка. Когда он повернулся, свет из окна лёг на резко очерченные скулы и прямой нос с едва уловимой горбинкой. Над левым виском белела тонкая линия шрама.

— Мисс Вуд, — сказал он. — Когда умер ваш отец?

Она назвала число. Он опустил письмо и взглянул на дату.

— Значит, он уже был болен, когда писал мне.

— Да. Он диктовал, а я писала. Подпись его.

Бенедикт перевернул лист. На обороте, где отец испытывал перо, остались два коротких штриха.

— Вы знали, что я жду его?

— Знала, что вы ждёте человека из мастерской. В последнем письме я подписалась своим именем.

Он подошёл к столу и перебрал лежавшие на нём бумаги. Письмо нашлось под счётом за известь. Айрис узнала его по сгибу. Ей пришлось сложить лист вчетверо, потому что в лавке у почты остались только узкие конверты.

Бенедикт прочёл последние строки.

— Это письмо мне передали вместе со счетами. Я прочёл его до подписи.

Он положил письмо рядом с отцовским и подвинул к ней кресло. Айрис села. Ей стало немного легче оттого, что он оставил оба письма на столе.

— Мистер Григгс говорит, вы вчера спрашивали его о канаве.

— О канаве и о дороге под парком. Ваш нижний шлюз можно открыть, милорд. Я пока не знаю, сколько воды допустимо выпустить.

— Я пригласил вашего отца, чтобы он привёл в порядок парк. О шлюзе в нашем уговоре не было ни слова.

Айрис раскрыла папку. На первом листе была разбивка верхней террасы с группой буков у лестницы. Отец оставил

между деревьями широкие просветы. В одном месте он долго переносил карандашом маленький кружок, пока бумага под ним не стала шероховатой.

— Вот эта часть замысла ещё возможна. Но дорожку под буками за два года дважды подсыпали. Мистер Григгс сказал мне, что весной её опять придётся подсыпать. Пока мы не выясним, откуда под ней вода, я могу обещать вам только третий счёт за щебень.

Бенедикт наклонился над листом.

— Сколько вам нужно времени?

Она собиралась просить месяц. Вчера, пока экипаж поднимался к дому, ей казалось, что месяца хватит на съёмку, шлюз и первые работы. Теперь, когда он спросил, она увидела на плане пустое место за восточными воротами.

— На осмотр — две недели. Если за это время удастся испытать старый выпуск, я покажу вам, во что обойдётся работа. До испытания смета будет гаданием.

— А если через две недели вы скажете, что делать ничего нельзя?

— Вы заплатите за сведения, которые позволят вам отложить работы. Я передам вам копию промеров.

Он прошёлся от стола к камину. У каминной решётки лежал кусочек угля, выкатившийся на плиту. Бенедикт поднял его щипцами и положил обратно.

— У Григгса сейчас четверо людей. Двоих я могу дать вам на три дня. Остальные чинят кровлю над конюшней. За

осмотр и расчёт вы получите восемь гиней. Материалы и рабочие — за мой счёт, в пределах суммы, которую вы сначала назовёте.

Восемь гиней позволяли ей заплатить жалованье в питомнике. Если бы пришлось вернуться, остались бы деньги на дорогу. Она прижала ладонью край папки, чтобы не выдать, как быстро произвела этот подсчёт.

— Мистер Григгс уже знает, что я могу обратиться к его людям?

— Он узнает от меня. Если сочтёт, что место опасно, он остановит работу.

— И скажет мне почему?

Бенедикт поднял глаза.

— Он привык объясняться со мной.

— Тогда я буду ждать вашего решения у каждой канавы. Прикажите ему назвать причину мне, а уж потом, если мы не сойдёмся, мы придём к вам вдвоём.

В передней пробили часы. Из-за дверей донёсся звук шагов, и Бенедикт на мгновение повернул голову. Айрис успела увидеть лежавший на краю стола конверт с надломленной печатью. Рядом стояло число, обведённое дважды. Когда он снова сел, то убрал конверт под промокательную бумагу.

— Хорошо, — сказал он. — Что ещё?

— Письменное поручение на имя Айрис Вуд. Мастерская выставит счёт, но отвечать за работу буду я.

Он вынул чистый лист. Айрис поднялась, пока он писал,

и подошла к окну. Отсюда она видела те самые вязы, под которыми осела тропа. За ними склон уходил из виду. Ни дома, ни окна в низине с этого места видно не было.

— Сегодня считается первым днём? — спросила она.

— Вы намерены начать сегодня?

— Я намерена дойти до восточных ворот, пока видна вода на дороге.

Перо на секунду остановилось. Потом Бенедикт дописал строку и подал ей лист.

— С сегодняшнего дня, мисс Вуд.

На лестнице Айрис встретила Григгса. Он поднимался, держась за перила двумя пальцами, и, увидев её, остановился ступенью ниже.

— Ну что, мисс?

Она протянула ему поручение. Он прочёл его медленно, сперва шевеля губами, потом совсем неподвижно.

— Двое на три дня, — сказал он. — Знаете, как долго копают в здешней глине?

— Завтра узнаю. А сегодня мне покажете восточные ворота?

Он вернул лист. За его плечом в высоком окне впервые за утро проступили очертания дальнего холма.

— Покажу, — сказал он. — Только сапоги перемените.

Глава 3. Нивелир

Восточные ворота оказались ниже, чем Айрис полагала по плану. За ними дорога сразу спускалась к ручью. Вода шла под каменной трубой, и тонкая ветка ясеня, застрявшая у входа, дрожала всей своей длиной. Айрис села на корточки. Под сводом ещё оставался воздух, и на сухом камне виднелась тёмная черта на два пальца выше воды.

— Вчера до неё доходило? — спросила она.

Григгс покачал головой.

— Вчера пониже. Это с прошлого месяца.

На другой стороне дороги ручей поворачивал за изгородь. Айрис различила над ней крышу, а дальше, где низина расходилась в обе стороны, белый столбик у полевых ворот. Ей хотелось пройти туда. Но под старым шлюзом в это утро было видно дно, и, если снова начинался дождь, она могла потерять день.

К шлюзу они вернулись через парк. Мокрые листья прилипали к сапогам, и каждый раз, когда Айрис ставила ящик с нивелиром на землю, она выбирала место, где трава была всего гуще. У западного устоя она велела одному из людей, Нэду, поставить рейку на камень с зарубкой. Нэд положил её на плечо и стал искать камень у самой воды.

— Выше, — сказал Григгс. — Под плющом.

Зарубка была на месте. Айрис узнала её по рисунку в от-

цовской книжке. Возле рисунка стояло короткое «грань цела», и ей стало приятно, почти как при встрече со знакомым, обнаружить целой и грань, и маленький откол под ней.

Она установила нивелир, дождалась, пока пузырёк успокоится, и взяла отсчёт. Затем Григгс сам перенёс рейку к порогу шлюза. Айрис записала второе число и отняла одно от другого.

— Ещё раз, пожалуйста.

На этот раз он поставил рейку медленнее. Нэд снял шапку и принялся выжимать из неё воду, хотя дождя пока не было. Второй отсчёт дал то же самое.

— На пять дюймов выше, — сказала Айрис.

— Что выше?

— Порог. Или у отца ошибка в книжке.

Григгс нагнулся к шлюзу. С той стороны, где они стояли, виден был только серый прямоугольник, потемневший по краям. Он опустил руку в воду и провёл пальцами по камню.

— Поверх старого положили плиту. Когда плотину чинили, — сказал он. — Старую не вынули. Там под ней пустота была.

Айрис посмотрела вниз по склону. На её чертеже канава начиналась от прежнего порога. Можно было сохранить её направление и поднять дно в верхней части. Она вынула карандаш и уже провела первый штрих, когда увидела, что Григгс смотрит на вязы.

— Что там?

— Хотите провести так, как вчера показывали?

— По старому руслу.

— Тогда без меня. И Нэда туда не пущу.

Нэд перестал возиться с шапкой. Другой рабочий, Уилл, стоял у тачки и глядел на носки своих башмаков.

Айрис свернула чертёж.

— Покажите почему.

Григгс повёл её не под вязы, а выше, к поваленному стволу, лежавшему наискось через склон. Под корнями чернела щель. Он взял у Уилла черенок лопаты и просунул его в щель. Черенок ушёл почти целиком, а земля сверху даже не шевельнулась.

— Дёрн держится на корнях. Начнёте резать с той стороны, он весь поедет. В прошлую пятницу овца провалилась. Доставали верёвкой.

Айрис вернулась к насыпи и некоторое время смотрела, как вода просачивается между камнями. На безопасном участке у шлюза можно было снять несколько футов засыпки и проверить, что осталось под ней. Дальше шла старая ложбина, отделённая от осевшего склона невысоким гребнем. Для малого выпуска её хватило бы, если расчистить начало и положить заслонку, которую можно вернуть на место с берега.

Она попросила Григгса пройти с ней вдоль гребня. Он прошёл до конца, нагибаясь там, где орешник нависал над травой, и воткнул черенок в землю у последнего куста.

— Доску надо крепить здесь, — сказал он. — Отсюда до неё хоть рукой достанешь.

Они вернулись за лопатами. Первый пласт Айрис поддела сама, потому что под травой ожидала встретить край старой кладки и хотела знать, на какой глубине он лежит. Лопата вошла легко и остановилась на чём-то упругом. Она нажала сильнее. Из-под лезвия выполз белый корень, а вместе с ним поднялся ком глины величиной с хлебную буханку. Земля потянула лопату вниз. Айрис переставила ногу и едва удержалась.

— Сбоку берите, — сказал Нэд. — Тут корни поперёк.

Он показал ей, как поставить лезвие. Следующий пласт лёг на траву ровно, мох к мху. Айрис дошла до камня, обтёрла его перчаткой и увидела желобок, выбитый когда-то водой. Камень лежал на месте. Она подозвала Григгса, и они вдвоём проследили линию кладки до угла насыпи.

К обеду ветер стих. Над прудом висели длинные, неподвижные ветви, и в воде под ними лежало серое небо. Айрис сидела на опрокинутой тачке и записывала новые отметки. Рядом Григгс разрезал складным ножом яблоко. Одну половину он съел, другую протянул ей.

— Ваш отец, — сказал он, глядя на канаву, — велел тогда не трогать зарубку. Потому я и помнил, где она.

Айрис взяла яблоко. Ей хотелось рассказать ему, что отец никогда не позволял стирать прежнее число, пока не узнает, почему оно переменилось. Вместо этого она открыла книжку

и показала ему обе отметки. Возле новой приписала, откуда взялись пять дюймов.

— Плиту я пока оставлю, — сказала она. — Снимем только столько засыпки, сколько нужно для пробы.

Григгс дочитал её запись до конца и позвал Уилла за доской.

Глава 4. Ржавая вода

Доску подогнали к вечеру. С утра Григгс велел просмолить её края, и от неё пахло так сильно, что Айрис чувствовала этот запах и на противоположном берегу. Нэд остался у шлюза. Уилл пошёл вниз, к дороге, и условился поднять шапку, если вода подойдёт к верхней черте на камне. Между ним и шлюзом был поворот, поэтому Айрис встала у орешника, откуда видела обоих.

Григгс приподнял доску. В узком просвете показалась бурая полоска. Вода сперва почти не двигалась. Потом подхватила прошлогодние листья, скрутила их и понесла к старой ложбине. На том месте, где земля была утром сухой, проступили камешки, мелкие и светлые, словно их только что высыпали из решета.

Айрис ждала, пока шевельнётся тёмная ветка у нижней изгороди. Ветка качнулась. Ещё немного погодя Уилл вышел на дорогу, глянул вверх и вытянул обе руки в стороны, как было условлено. Под трубой оставалось место.

Они держали выпуск открытым до полудня. У вязов, где всю осень стояла вода, обнажился край плоской ступени. Григгс счистил с неё тину, и под зелёным налётом показался светлый известняк.

— Здесь лестница была, — сказал он. — Три ступени. Я уж думал, нижняя совсем ушла.

Айрис спустилась на первую ступень и присела. Вода отступала так медленно, что движения её нельзя было заметить, пока рядом не клали на камень сухую веточку. Через несколько минут веточка оставалась на суше. Айрис вынула книжку и нарисовала ступень, которой не было на отцовском плане. Рука у неё впервые за эти дни перестала мёрзнуть.

К ночи пошёл дождь. Он начался с редких ударов о подоконник, и Айрис ещё успела разобрать по звуку, как капли падают с водостока в пустую бочку. Потом бочка наполнилась. Вода до рассвета лилась через край, и к утру вдоль стены флигеля шла мутная струя.

Григгс встретил её у нижней террасы. Доску они на ночь опустили, оставив щель в половину дневной. Теперь за этой щелью вода бежала быстрее, чем накануне при полном пробном выпуске. Айрис увидела, что на пруду исчез нижний камень у ступени, и прежде чем спросить Григгса о дороге, велела совсем закрыть выпуск.

Он опустил доску. Осталась тонкая струя у края.

— Теперь вниз, — сказала она.

На дороге лежал принесённый ручьём хворост. От колеи до изгороди шла вода, а у входа в трубу она собиралась в тёмный, широкий круг. Айрис спустилась с дороги по верховой стороне, держась за ветви, и увидела, что каменный свод почти скрылся. На другой стороне вода выходила из трубы свободно, но ниже, за первым поворотом, стояла вровень с берегом. Дальше по ложбине виднелась новая ограда. Несколь-

ко нижних прутьев уже были под водой.

Григгс долго смотрел туда же.

— Там после разлива поднимали проезд, — сказал он наконец. — Через ручей. Положили другую трубу.

— Давно?

— Два года назад. Я возил камень. Сверху было видно, какая широкая. А что под землёй, не скажу.

Они прошли вдоль изгороди. В месте, где ручей нырял под насыпь, вода стояла почти неподвижно, зато с другой стороны вытекала тонким быстрым языком. На камне у отверстия белели свежие царапины от ветвей. Григгс вынул одну ветку, потом другую. Вода чуть осела и опять остановилась на прежнем месте.

— Тут половина старой ширины, — сказал он.

Сквозь голые прутья изгороди Айрис увидела луг. Ближняя его часть была темнее дальней, и в неглубоких впадинах стояли полоски воды. Одна из них доходила до белого столбика, замеченного ею с дороги. Она не могла сказать, сколько воды было здесь вчера. При сухой погоде они следили за верхней трубой и остановили наблюдение, как только вода под ней прошла.

Из-за полевых ворот донеслось щёлканье щеколды. Мальчик в большой мужской куртке выкатил пустую тачку, увидел их и замер.

— Чей это луг? — спросила Айрис.

— Матушкин.

Он произнёс это с таким удивлением, будто она спросила, кому принадлежит тачка, которую он держит обеими руками.

— Миссис Хэйл, — сказал Григгс. — Скажи ей, Том, мы у проезда смотрели трубу. И что утром прикрыли воду из парка.

Мальчик кивнул и покатил тачку дальше. Колесо прочертило в мягкой земле глубокую борозду. Айрис проводила его взглядом до поворота. Там, за невысоким каменным забором, стоял дом, чью крышу она видела накануне. Одно окно смотрело прямо вверх, к парку.

— Вчера вы спрашивали, куда ручей идёт дальше, — сказал Григгс.

— Спрашивала. А вчера же поставила Уилла у первой трубы.

Она присела у белого столбика и отметила высоту воды по его нижнему железному гвоздю. Затем попросила Григгса вернуться к пруду и вместе с ней поставить метку у шлюза. Теперь ей нужны были две отметки, взятые в один день. Пока они шли, дождь сделался мельче, и на просвет между деревьями легла ровная бледная полоса.

После обеда Айрис переписала результаты для Бенедикта. Под вчерашним «проба удалась» она сперва оставила пустое место. Потом, придвинув чернильницу, дописала: «При сухой погоде. Нижний проезд задерживает воду, и безопасный выпуск в дождь пока не установлен».

Завтра был последний из трёх дней, на которые ей дали людей Григгса. Она послала записку Хартли с просьбой узнать, когда миссис Хэйл сможет её принять, и велела Уиллу принести рейку к восточным воротам на следующее утро. До тех пор доска должна была оставаться опущенной.

Глава 5. Три поля

К миссис Хэйл Айрис отправилась после полудня. Утро ушло на промеры у двух труб. Уилл держал рейку, Григгс ходил вдоль насыпи и доставал из воды всё, что мог подцепить багром. Они вытащили прутья, обрывок мешковины и одну подошву. Вода опустилась на два дюйма. К тому времени как Айрис сложила нивелир, она уже знала, что очистка трубы поможет, но не даст ручью столько места, сколько ему было нужно.

От восточных ворот она пошла одна. На повороте дорога сузилась, и между колеями показалась зелёная полоска. Дом миссис Хэйл стоял боком к склону. Три его стены были серыми, а четвёртая, обращённая к парку, была выкрашена известью. Под окном висела деревянная полочка с двумя перевёрнутыми кружками. Айрис увидела её и вдруг поняла, почему жёлтый огонёк был виден из Холла. На всём склоне больше не было ни одного окна, обращённого кверху.

Дверь открыл Том. На нём опять была вчерашняя куртка, но рукава теперь были подвёрнуты.

— Матушка сказала, чтобы вы вытерли ноги о камень, — сообщил он.

Камень лежал у порога. Айрис провела о его край одним сапогом, потом другим, и вошла.

Миссис Хэйл сидела у окна и чинила чулок. Она была мо-

ложе, чем Айрис ожидала. Над висками у неё уже серебрились волосы, а руки, короткие и красные, двигались легко и быстро. При виде гостьи она отложила чулок на подоконник и поднялась.

— Том говорил, вы нашли что-то у трубы.

— Труба под новым проездом мала. Вчера мы закрыли выпуск из парка, и сегодня вода у вас пошла на убыль. Я не знаю, насколько она убыла бы сама после дождя.

Миссис Хэйл посмотрела на неё внимательно.

— А из Холла вам сказали, что тут всегда мокро?

— Я видела старый план. Он кончается у дороги.

— У них и разговор там кончается, — сказала миссис Хэйл. — Хотите чаю?

Она налила чай в чашку с тонкой трещиной у ручки и поставила перед Айрис. Том сел у очага, вынул из кармана несколько соломин и стал переплетать их, просовывая концы между коленями. С минуту слышно было только, как шуршит солома.

— У меня три поля, — сказала миссис Хэйл. — Верхнее под овёс, на среднем держу корову. Нижнее на сено. Верхнее можете залить, если сумеете. Оттуда всё к вечеру уйдёт. А внизу вода однажды встала в марте и ушла перед самым маем. Трава взошла пятнами. Пришлось купить сено, и деньги за него я отдавала до Рождества.

— До того как сделали проезд, такое бывало?

— По краю ручья. С мужем мы там и не косили. А потом

вода пошла поперёк. Я показывала мистеру Пеннифезеру, где.

Она подошла к буфету и достала из-за стопки тарелок сложенный листок. На наружном сгибе расплылось пятно, точно лист долго держали влажными пальцами. Миссис Хэйл положила его на стол и разгладила рукавом.

Пеннифезер писал, что проезд сооружён для удобства арендаторов и что временное скопление воды следует отнести к необычайно дождливой весне. Дата стояла майская. Внизу, под подписью, другой рукой было выведено имя покойного мистера Хэйла.

— Муж уже лежал, когда это принесли, — сказала миссис Хэйл. — Читала ему вслух. Он попросил прочесть ещё раз то место, где про удобство. Мы той весной по проезду ни разу не ездили. Нижние ворота изнутри залило.

Айрис придвинула к себе лист и ещё раз прочла дату.

— Позволите её записать?

Миссис Хэйл кивнула. Айрис переписала дату и имя, затем вернула лист. Вдова сложила его по старым сгибам и на этот раз положила в карман передника.

Они вышли через заднюю дверь. На среднем поле стояла корова, повернувшись к ветру хвостом. Слева, за межой, тянулись ровные борозды, и в каждой лежала узкая полоска света. Миссис Хэйл прошла до белого столбика у ворот, отперла их и повела Айрис по краю нижнего поля. Трава здесь была короткая, мягкая, с сизым налётом. При каждом шаге

из-под подошвы выступала вода.

— Вот откуда она пришла тогда.

Вдова показала на низкое место в изгороди, на добрых двадцать шагов выше трубы. Айрис видела эту ложбину сверху и приняла её за край пашни. Здесь стало ясно, что вода может пройти по ней наискось через всё поле и снова встретиться с ручьём далеко за проездом.

— Весной вы сеете по эту сторону? — спросила она.

— Хотела подсеять там, где пропало. Том уже отложил семена. Если земля будет готова.

У самой изгороди стоял старый ясень. В коре на высоте колена застрял пучок сухой травы, оставшийся от давнего разлива. Миссис Хэйл дотронулась до него. Айрис раскрыла книжку и долго рисовала поворот ручья, поле и ложбину, по которой вода обходила трубу. На обратном пути она остановилась у ворот и добавила к рисунку дом.

— Вы покажете это милорду? — спросила миссис Хэйл.

— Покажу. И прежде чем просить разрешения открыть выпуск надолго, промерю весь луг. Если вы позволите, я приду с рейкой.

Миссис Хэйл поправила щеколду. Та входила в паз туго, и ей пришлось приподнять ворота за верхнюю перекладину.

— Приходите, — сказала она. — Только через двор. Корова у изгороди бодливая.

Том ждал у дома. Он сунул Айрис в руку маленький плетёнок, в котором после некоторого раздумья она узнала пти-

цу. Одна соломина торчала из хвоста длиннее других.

— Она стоять умеет, — сказал он. — Если крыло поправить.

Айрис поправила крыло. Птичка встала у неё на ладони. Том улыбнулся, обнажив щель между передними зубами, и убежал в дом.

У восточных ворот ветер стих. Из-за буков показалась верхняя часть Холла. Свет ещё держался в окнах второго этажа, а под стеной и на террасе уже лежала тень. Отсюда дом миссис Хэйл закрывал склон. Айрис поднялась немного выше, до последнего просвета в изгороди, и оглянулась. Внизу зажгли лампу.

Она убрала плетёнка в карман, рядом с книжкой, и пошла к дому.

Глава 6. Книги и земля

На шестой день её пребывания в Блэквуде над парком прояснилось. Солнце осветило дальний лес и долго не доходило до дома. Когда оно наконец легло на балюстраду, камень оказался весь в мелких каплях. Айрис поставила папку на сухую часть парапета и развернула план. Вчерашний ветер оборвал с буков столько листьев, что с террасы впервые можно было разглядеть дорожку, проведённую между ними.

Бенедикт вышел из боковой двери без шляпы. В руке он держал её записку о пробном выпуске. Он прочёл её, должно быть, ещё утром. Лист был сложен пополам, и на сгибе у края бумага побелела.

— Хартли говорит, вы были у миссис Хэйл.

— Была. Она разрешила мне промерить луг.

— А Пеннифезер знает?

— Ему я написала утром. Миссис Хэйл показала мне его письмо. Он видел проезд после первого разлива, но я не знаю, видел ли он тогда луг.

Бенедикт положил записку на парапет и прижал её перчаткой.

— Когда делали проезд, мне сказали, что прежний мост обходится дороже, чем вся дорога. Я видел счёт за трубу. На поле с тех пор не был.

Айрис развернула к нему новый лист. На нём пока бы-

ло мало туши. Большая часть линий была проведена мягким карандашом, и там, где она по привычке положила ладонь, контур нижнего поля стал серым.

— Отсюда мы пускали воду. Здесь она прошла свободно. А вот это место мы увидели только после дождя.

Он провёл пальцем до второй трубы.

— Если её заменить?

— Возможно, окажется достаточно. Я ещё не знаю, что ниже проезда. И сама насыпь держит дорогу. Сначала надо узнать, можно ли её вскрыть и сколько земли придётся снять.

— Двоих людей у вас больше нет.

— Промеры я сделаю с Григгсом, когда он сможет уйти из конюшни. Мы договорились о четверге. К последнему дню у меня будут два расчёта. Один для малого выпуска, другой для работ у проезда, если замена трубы имеет смысл.

Бенедикт поднял глаза от бумаги. Серые, почти стальные в библиотеке, здесь они казались светлее. Ветер тронул его короткие тёмные волосы. У левого виска открылась тонкая белая линия, которую Айрис заметила ещё в библиотеке.

— Я рассчитывал увидеть у вас разбивку парка.

Она вынула из папки верхний лист, тот самый, который показывала ему в библиотеке.

— Вот она. Если пройти от лестницы к букам, дорожка выводит к склону. Отец хотел открыть оттуда вид на воду. Я бы сделала дорожку чуть выше. Сейчас, даже если дать ей просохнуть, осыплется край.

Он посмотрел на деревья. С одного бука медленно падали листья, один за другим, хотя соседние ветви оставались неподвижны.

— Вы по книгам учились, мисс Вуд, или по его чертежам?

— По тем и по другим. Но книги отец давал мне с карандашом. Я должна была отмечать на полях места, в которых с автором не согласна. Потом он спрашивал, что я сама сделала бы на его месте. Это была худшая часть урока.

— Маркиз де Жирарден, чью «Композицию пейзажей» вы, полагаю, читали, утверждал, что природа должна вести руку мастера, а не покоряться ей насильно. Ваш отец, выходит, с ним соглашался?

Айрис подняла голову.

— Читали Жирардена, милорд?

— Мой отец собирал библиотеку по архитектуре и садовому искусству. Я вырос среди этих книг. Половина из них стояла неразрезанными, но Жирардена я прочёл ещё мальчишкой.

— Тогда вы помните, что он говорит о виде на дом со стороны воды.

— Помню. По его правилам я с этой террасы должен видеть отражение буков.

— Вы бы его увидели, если бы стояли на другом берегу. Отсюда буки закрывают пруд.

Бенедикт переменил место и встал возле неё. Айрис показала, где между деревьями виден кусок воды. Он был так

мал, что с первого взгляда его можно было принять за светлый камень. Бенедикт прищурился.

— Придётся срубить три дерева.

— Одно. Если срубить три, из-под них откроется дорога, а вы с этой стороны как раз хотите её скрыть. Два дерева можно поднять, убрав нижние ветви. Григгс покажет, какие выдержат обрезку.

— Вы и тут уже говорили с Григгсом?

— Он сказал, что у ближнего бука дупло. Я спросила, давно ли.

Бенедикт посмотрел на дерево, потом на план. На плане три кроны были обозначены одинаковыми кружками. Айрис перевернула карандаш и обвела ближний кружок ногтем, чтобы показать, какой именно бук она имеет в виду. Бенедикт придержал лист. Ветер приподнял его свободный край, и несколько секунд они стояли совсем близко, ожидая, пока он уляжется.

— У меня есть издание с гравюрами, — сказал он. — Если захотите, Хартли принесёт его во флигель.

— Захочу. Моё было без гравюр. Отец вырезал картинки из какой-то другой книги и вклеил, куда пришлось. Одна всегда выпадала.

— Какая?

Айрис подумала.

— Мост.

Бенедикт усмехнулся. С его лица на мгновение ушло то

выражение сосредоточенности, с каким он читал бумаги и слушал ответы. Айрис увидела, что он ещё довольно молод. До сих пор ей ни разу не пришло в голову гадать, сколько ему лет.

Они разошлись перед обедом. Вечером, когда Айрис возвращала Хартли книгу с гравюрами, он повёл её коротким путём, через западную галерею. В конце её было теплее, чем в остальном доме. Слабый запах земли Айрис почувствовала раньше, чем увидела стеклянную дверь. За ней темнела высокая решётка, на которой держались сухие стебли. Дальше, под мутным стеклом крыши, она различила плетёное кресло с высокой спинкой.

— Это зимний сад? — спросила она.

Хартли остановился.

— Да, мисс Вуд.

В другом конце галереи закрылась дверь. Бенедикт шёл к ним с подсвечником. Свет сперва упал на портрет над дверью, потом скользнул по стене и остановился на руке Хартли, всё ещё державшего книгу.

— Благодарю, Хартли. Я сам её отнесу.

Дворецкий подал ему книгу и ушёл. Айрис снова взглянула сквозь стекло. У самого порога на плитках лежало несколько листьев, продолговатых, с острыми концами. Растение, с которого они опали, в темноте видно не было.

— Можно мне будет взглянуть на сад при дневном свете, милорд?

Бенедикт не сразу ответил. Свеча горела ровно, и от рамы на пол падала узкая чёрная тень.

— Нет, мисс Вуд. Эту дверь я пока не открываю.

— Хорошо, — сказала она.

Она отступила, давая ему пройти. Он остался на месте.

— Вы думали включить его в работы?

— Нет. Просто здесь ещё пахнет землёй. Я хотела посмотреть, что осталось живо.

Бенедикт повернулся к стеклу. Отражение свечи оказалось как раз там, где стояло кресло, и на мгновение показалось, будто внутри горит лампа.

— Когда здесь топили, — сказал он, — земля пахла даже в коридоре.

Айрис подождала. Больше он ничего не сказал. Она пожелала ему доброй ночи и пошла к лестнице. За спиной не слышно было шагов, пока она не свернула за угол.

У себя во флигеле она раскрыла папку. Из складки на плане выпал плетёнок Тома. Айрис расправила ему крыло и поставила на подоконник. За окном уже темнело, но внизу, если приблизиться к стеклу, ещё можно было увидеть свет над тремя полями. Она придвинула свечу, взяла чистый лист и провела на нём дорогу. Теперь на её чертеже дорога пересекала ручей и шла дальше.

Глава 7. Письмо Мэг

Письмо Мэг лежало на подносе вместе с тремя счетами и приглашением на охоту. Бенедикт узнал его издали. Сестра писала адрес так крупно, что для названия графства ей неизменно приходилось поворачивать конверт. В этот раз она попробовала уместить всё на одной стороне, и последние три буквы Дербишира забрались на марку.

Он вскрыл письмо у окна, пока Хартли переставлял на столе кофейник.

«Дорогой Бенедикт, мисс Дентон велела спросить до конца месяца, заберут ли меня на Рождество. Я сказала, что, конечно, заберут, но она велела всё равно спросить. Если у тебя будут гости, мне можно спать в маленькой комнате над галереей. Я там уже спала, когда мне было девять, и привидений нет. Если там холодно, я возьму своё одеяло».

Дальше Мэг сообщала, что ей пришлось распустить почти целый ряд вязаного чулка, потому что мисс Дентон нашла ошибку у самой пятки. Под подписью стоял ещё один вопрос, тесно прижатый к краю листа: «Ты напишешь мне сам?»

Бенедикт прочёл эту строчку дважды. В сентябре Мэг получила от него записку через Хартли. Она спрашивала, когда приедет домой, а он передал, что всё зависит от сроков занятий. Теперь выходило, что она спрашивала о другом.

— Когда уходит почта? — спросил он.

— В одиннадцать, милорд. Мистер Пеннифезер уже здесь.

Из окна было видно, как у западной стены двое рабочих переносят длинную лестницу. За ними шла мисс Вуд, держа свёрнутый план под мышкой. Ветер срывал с него тесёмку. Она поймала её губами, освободила руку и затянула узел. Бенедикт успел подумать, что у неё, должно быть, холодные пальцы. Потом рабочие свернули за угол, и она исчезла вместе с ними.

Он сел за стол.

«Дорогая Мэг, на Рождество я за тобой приеду. Спроси у мисс Дентон, в какой день тебя можно забрать. В маленькой комнате разобран камин. Твоя собственная комната ждёт тебя».

Ему хотелось добавить, что в Холле наконец взялись за парк и к её приезду, вероятно, будет видна лестница у вязов. Он уже поднёс перо к бумаге, но вспомнил вчерашнюю записку Айрис. Нижний выпуск оставался закрытым. Лестница могла к Рождеству снова уйти под воду.

«На террасе по утрам сидят две вороны. Я думаю, это те самые».

На этом он сложил письмо.

Пеннифезер ждал его в кабинете. Он принёс книги в потёртом кожаном портфеле, ремень которого успел починить светлой ниткой. Когда Бенедикт вошёл, управляющий как раз выравнивал на столе край листа.

— Вы знаете, милорд, что мистер Джулиан Блэквуд писал мне в августе.

— Вы ответили, что пришлёте ему ведомость после годового расчёта.

— Вчера он прислал человека за книгами.

Пеннифезер подал лист. Джулиан просил предоставить сведения о поступлении арендной платы, расходах на ремонт и обязательствах, которые владелец принимал от имени имения. Просьба была обращена к попечителям. Под ней стояла помета одного из них: желательно представить сведения до конца октября.

— Книги я не выдал, милорд. Показал только итог за прошлый год. Он напечатан в отчёте.

— Что именно хотел видеть его человек?

— Платежи за западные земли. И всё, что касается парка.

В камине осело полено. Пеннифезер нагнулся за кочергой, но Бенедикт остановил его движением руки. Из-под полена выбежал тонкий язык пламени и тут же исчез.

— С какой стати его заинтересовал парк?

— По его словам, нынешние работы могут уменьшить сумму, которая перейдёт под управление попечителей.

— По его словам.

— Да, милорд.

Бенедикт снова прочёл приписку. Человек, её сделавший, обедал здесь в июне и говорил, что к зиме найдётся возможность спокойно всё обсудить. Тогда слово «зима» означало

время, которое у Бенедикта было. Теперь у него оставалось меньше трёх недель до представления счетов.

— Сделайте копии. Отдельно отметьте работы, которые уже приняты и ещё не оплачены. Оригиналы останутся здесь. И пошлите к Принглу. Я хочу знать, кто ещё из попечителей видел это письмо.

Пеннифезер достал карандаш. Пока он записывал, Бенедикт вспомнил верхнее поле, намеченное у Айрис на чертеже.

— Как давно миссис Хэйл просила вас посмотреть её луг?

Карандаш остановился.

— Весной после устройства проезда. Я осмотрел насыпь.

— С какой стороны?

— С дороги, милорд. Дорога не пострадала.

Бенедикт подвинул к нему счёт, лежавший рядом с книгами.

— В копии расходов оставьте и этот проезд. Мисс Вуд на днях попросит у вас его размеры.

Пеннифезер пообещал поискать чертёж. Уходя, он придержал дверь для Хартли, и Бенедикт услышал, как тот спросил у него, не оставит ли он портфель. Пеннифезер вернулся за ним. Бенедикт дождался, пока оба выйдут, и вынул из ящика выписку из дедова распоряжения.

Внизу, после длинной строки о доходах, стояли слова «постоянный семейный дом». Дед говорил о семейном доме за завтраком, у окна, из которого было видно, как Мэг гонит по

аллее обруч. Он любил повторять, что, если оставить имение холостяку, тот через десять лет будет обедать в одной комнате и держать закрытыми все остальные. Тогда Бенедикт смеялся. Маленькая комната над галереей стояла теперь без камина, зимний сад был заперт, а Мэг спрашивала, взять ли одеяло.

Его письмо ещё лежало на столе. Он позвал Хартли и сам передал ему конверт.

Под вечер Бенедикт вышел к дому через конюшенный двор. Из флигеля донёсся тихий стук. Айрис стояла на пороге, вытряхивая землю из подола. Увидев его, она выпрямилась. На щеке возле виска у неё осталась светлая черта от волос, которые ветер только что прижал к коже.

— Вам удалось повидаться с Пеннифезером? — спросил он.

— Он оставил мне размеры трубы. Мне понадобится посмотреть их при свете.

— Завтра я уеду в Дерби. Если вам что-нибудь нужно оттуда, передайте Хартли.

Она уже открыла рот, чтобы поблагодарить, но задумалась.

— Грифели. Если лавка окажется по дороге. В здешних столько песка, что они рвут бумагу.

— Какие именно?

Она назвала. Он повторил, чтобы запомнить, и заметил, что она смотрит на него с лёгким удивлением. В библиотеке

она так смотрела, когда он повторил за ней условие о Григгсе, прежде чем вписать его в поручение.

Из флигеля пахло тёплым хлебом. Бенедикт мог бы спросить, удобно ли ей здесь и исправили ли задвижку в её окне, о которой говорил Хартли. Ему захотелось остаться на пороге ещё немного, пока она держит дверь открытой, пока между ними лежит эта короткая полоса света.

Вместо этого он пожелал ей доброго вечера и пошёл к дому. Только у самой галереи он сообразил, что завтра можно было просто попросить Хартли послать за грифелями.

Глава 8. На верхней террасе

В последний день Айрис проснулась раньше, чем в первый. За окном было темно. Она долго лежала, различая ровное дыхание ветра в трубе, потом вспомнила, что платье висит у камина и на нём ещё не высохла оборка. Встала и перевесила его ближе к огню.

На столе лежали две сметы. Первую она переписала начисто вчера до ужина. Вторая всё ещё была испещрена поправками. Айрис отложила её, приотворила окно и послушала. После трёх сухих дней ручей едва слышно шёл за деревьями. В такой день можно было легко забыть, как он звучал в дождь.

Три дня назад они с Григгсом закончили съёмку нижнего поля. Миссис Хэйл провела их через двор и привязала корову к яслю. Том ходил следом с пустым мешком, в который собирал упавшие ветки. В середине поля он спросил, будет ли здесь весной вода. Григгс, державший рейку, посмотрел на Айрис. Она сказала, что пока знает, где вода пойдёт, если поднимется, и что теперь они измеряют, сколько места можно дать ей вдоль ручья. Том выслушал её, переступая с ноги на ногу. Потом спросил, можно ли будет на этом месте косить. Это был тот же вопрос, только теперь на него следовало ответить сметой.

Грифели из Дерби она нашла на подносе два дня назад.

Пачку обернули синей бумагой и перевязали суровой ниткой. Бенедикт ничего не написал. Айрис долго не развязывала узел, хотя для плана нужен был новый грифель. Ей казалось, что его рука, в которой она привыкла видеть перчатки или перо, едва ли могла располагаться на прилавке среди этих маленьких, обыкновенных вещей. Она попробовала представить, как он называет их продавцу. Представила слишком хорошо и зажгла вторую свечу, чтобы наконец приняться за работу.

После завтрака пришёл Григгс. Он снял картуз, оставил его на ступени и поставил у двери рейку.

— Вода по нижней метке, — сказал он. — Ночью не поднялась.

— Вы уже ходили?

— Корм в конюшню вёз. Завернул.

Айрис знала, сколько составляет этот крюк. Она подвинула ему стул и показала смету. Он стоял над листом, хмурясь, пока не нашёл строку о досках и камне.

— Дуб вычеркните. У нас в сарае две доски лежат. Из старых ворот.

— Вы говорили, что они гнилые.

— Одна гнилая. А лежат две.

Айрис подала ему карандаш. Григгс вычеркнул дуб сам, так тщательно, что пришлось переписать весь итог.

К трём часам они поднялись на террасу. Бенедикт ждал у балюстрады. За ним на холодном камне лежала раскрытая

книга, придавленная с одного края перчаткой. Издали Айрис узнала гравюру: мост с двумя арками, над которыми художник поместил одинокую тонкую сосну.

— Пойдёмте вниз, милорд, — сказала она. — Пока видно ступени.

Они спустились до вязов с восточной стороны, обогнув осевший склон. У нижней лестницы было сухо на две ступени. На третьей лежал лист, плотно прилипший к камню. Григгс поднял его за черешок. Под ним проступил тонкий белый край, который раньше не видели.

— Неделю так держится, — сказал он. — С малым выпуском. В дождь его закрывали.

Бенедикт сошёл на вторую ступень. Айрис осталась выше. Так, стоя почти вровень, они могли говорить тихо, и она слышала в его голосе, помимо слов, короткий выдох, с которым он всегда начинал вопрос о деньгах.

— Что из этого можно оставить на зиму?

— Доску и съёмку. Отвести с дорожки воду, укрепить край возле вязов. До заморозков успеем. Нижний проезд придётся разбирать отдельно, когда будет чем возместить людям дорогу. Там нужен широкий проход для воды и запас вдоль берега, если трубу занесёт. До весны я могу подготовить точный расчёт.

— А луг?

— Для него и нужен запас. У Григгса есть промеры, если хотите взглянуть.

Григгс достал сложенный вчетверо лист. Раньше Айрис приходилось читать ему каждое число. Теперь он сам показал Бенедикту отметку у белого столбика и другую, у трубы, и объяснил, почему между ними важно знать высоту межи. Он долго подыскивал слово для воды, которая поднимается, встретив препятствие. Наконец сказал, что она идёт назад, пока не найдёт дорогу вбок. Бенедикт кивнул. Этого слова оказалось довольно.

Снизу подул ветер. Айрис убрала руку с парапета лестницы и только тогда почувствовала, до чего остыл камень. Бенедикт предложил подняться. На последнем шаге её каблук соскользнул с мокрого края. Он взял её за локоть, крепко и очень ненадолго. Когда отпустил, она ещё несколько шагов чувствовала его ладонь сквозь шерсть рукава.

Наверху Григгс простился. Он обещал посмотреть доски до темноты и забрал с собой лист с отметками. Бенедикт перенёс книгу на скамью и попросил обе сметы.

Первую он прочёл быстро. Во второй задержался у строки о проезде, вернулся к началу и спросил, с какой стороны Айрис намерена подвозить камень. Она объяснила, где дорога выдержит воз. Он спросил, что делать, если к весне средств хватит только на один из двух вариантов.

— Продолжать малый выпуск, — сказала она. — Большой подождёт. Я поставила в смету наблюдение у нижних ворот. Его можно поручить Тому, если миссис Хэйл согласится. Пусть получает плату за то, что всё равно будет делать.

Бенедикт долго смотрел на последнюю строку. Когда заговорил снова, Айрис поняла, что он уже решил.

— Работы до зимы я утверждаю. Дальнейшую съёмку и проект оставляю за вами. За осмотр Хартли отдаст вам деньги сегодня. За остальное будем платить по мере выполнения. Я попрошу Прингла изложить условия и пришлю вам копию завтра.

— Напишите сейчас, пожалуйста. Хотя бы на этой смете.

Он обернулся. Из дома доносилось, как закрывают ставни в малой приёмной. Айрис положила на парапет свой карандаш.

— Я хочу завтра позвать людей от своего имени и знать, на каком основании зову.

Бенедикт взял карандаш. Ему пришлось дважды провести первую букву: остывшие пальцы плохо держали тонкое дерево. Потом он записал условия, поставил число и подписался. Айрис прочла подпись. Выше, в строке об авторе работ, стояло её имя.

— Сколько времени вы ещё пробудете во флигеле? — спросил он.

— Столько, сколько займут работы. Я, конечно, могу снять комнату в деревне.

— Комната во флигеле в вашем распоряжении. И если вам нужен стол побольше, скажите об этом Гейбл. Есть один, который можно вынести из бывшей классной.

Он говорил, складывая смету, и не смотрел на неё. Ай-

рис почему-то вспомнила, как он подал ей первое поручение. Тогда он отдал лист сразу. Теперь провёл ладонью по сгибу, словно хотел, чтобы он запомнил форму.

Она взяла смету и убрала в папку. Между ними на скамье лежала раскрытая книга.

— Это тот мост? — спросил он.

Айрис наклонилась. Внизу под гравюрой стояла подпись мелкими буквами. Над одной из арок художник провёл по бумаге несколько тонких чёрных штрихов, и казалось, что там в самом деле движется вода.

— Тот, — сказала она. — Только у нас не было сосны. Отец её отрезал, чтобы картинка поместилась.

Бенедикт рассмеялся. Он смеялся негромко и тут же опустил голову, как человек, которого собственный голос застал врасплох. Айрис взглянула на его руку, лежавшую на краю книги. Под большим пальцем был след от её грифеля. Она почти подняла руку, чтобы стереть его.

В сумерках от Холла до флигеля оставалось не больше сотни шагов. Айрис прошла их медленно. Вчера она складывала в саквояж запасные воротнички, чтобы, если придётся, уехать утренним экипажем. Теперь у неё был заказ до первых морозов, обещанный стол и ещё столько работы, что за весь этот вечер нельзя было составить даже её перечня. На повороте она обернулась. Бенедикт всё ещё стоял у балюстрады. Он различил её в сумерках и поднял руку.

Она ответила тем же и на несколько мгновений осталась

на дорожке. Ей впервые пришло в голову, что можно прожить здесь достаточно долго, чтобы увидеть, какими эти деревья бывают в мае.

Глава 9. Письмо с лавандой

Стол принесли во флигель в понедельник. Он оказался длиннее, чем обещала миссис Гейбл, и, пока двое лакеев разворачивали его на лестнице, Айрис держала дверь и слушала, как ножка задевает за обои. На столешнице остались циркульные уколы. Мэг, объяснила экономка, училась за этим столом чертить карты и однажды так старательно обвела Африку, что учительнице пришлось подложить под бумагу дощечку.

Айрис провела по уколам ладонью. На таком столе можно было разложить план нижнего поля целиком. Она уже собралась за папкой, когда Хартли принёс почту.

Конверт был из дешёвой серой бумаги. От него пахло лавандовой водой.

В конце июня, когда за гробом отца закрылись ворота кладбища, этот же запах держался на лестнице в конторе. Годфри Эванс ждал Айрис на второй ступени снизу. Он принёс ей цветы, которые она потом оставила в ведре у двери. Через неделю пришёл снова, без цветов, и предложил погасить отцовские долги, если она назовёт день венчания. Тогда он говорил негромко, потому что за стеной ещё работал помощник. Айрис запомнила, как отчётливо сквозь его голос был слышен скрип пера.

Теперь Эванс писал, что приобрёл закладную на питом-

ник в Кенте. К первому ноября он ждал ответа. Сумма стояла на обороте, под перечнем имущества: земля, две теплицы, инструменты и рабочие чертежи. Последние были приписаны сбоку, другими чернилами. В самом конце письма он повторял предложение, сделанное в Лондоне, и прибавлял, что при их личной встрече можно будет обойтись без неприятных формальностей.

Айрис перечла перечень. Нивелир, которым она пользовалась здесь, отец купил на три года раньше питомника. Чертежи хранились в конторе, а часть их сейчас лежала у неё в саквояже. Она не знала, какое из этих обстоятельств имело значение. Ей хотелось как можно скорее написать Эвансу об обоих, с тем чтобы он в следующий раз тщательнее выбирал слова. Вместо этого она убрала письмо под пресс и достала отцовскую расчётную книжку.

Работу он вёл с двух концов. С начала книжки шли полученные деньги, с конца — выданные. Где записи встречались, он заводил новую книжку. В этой на середине оставалось шесть страниц, и Айрис помнила, как радовалась, найдя их пустыми после похорон. Ей больше не приходилось искать среди цифр той весны изменения в почерке, по которым можно было бы узнать, в какой именно день отец перестал надеяться на выздоровление.

Она сняла перчатки. В левой половине стола разложила счета поставщиков. Их было четыре, и против двух у неё имелись расписки. В правой положила копию закладной.

Первый лист начинался с описания земли. В конце второго отец своей рукой приписал номер квитанции. Айрис нашла квитанцию между страницами книжки, тонкую, почти прозрачную на сгибах. Потом нашла ещё одну, на меньшую сумму. Она была выдана уже после смерти отца, и на ней стояло её имя.

В расчёте Эванса ни той ни другой не было.

За окном кто-то остановился. Айрис подняла голову. Бенедикт стоял у флигеля в расстёгнутом сюртуке, держа под мышкой свёрнутый лист. Она могла бы притвориться, что не видела его. Но он, должно быть, заметил движение у окна и тут же отступил на дорожку, оставив между собой и дверью несколько шагов.

Айрис вышла.

— Прингл прислал чистовую копию вашего заказа, — сказал он. — Я хотел спросить, устраивает ли вас день первого платежа. В бумаге стоит пятница.

Он подал ей лист. У него была привычка подавать бумаги за самый край, чтобы другой мог взять их, не меняя положения руки. Айрис уже замечала это у него. Сегодня он держал лист наоборот, всей ладонью снизу. От ветра бумага заворачивалась ему на запястье.

— Пятница подходит, — сказала она.

— Вы ещё не взглянули.

Она опустила глаза. Дата действительно стояла на первой странице. Возле неё оставили место для её подписи.

— Простите. Утром пришёл счёт, и я немного сбилась со счёта дней.

Бенедикт ничего не спросил. Он дождался, пока она прочтёт лист до конца. В последнем абзаце было записано, что один экземпляр каждого плана остаётся в мастерской, а расходы на работу у нижнего проезда потребуют отдельного согласования. Всё так, как они условились. Она почувствовала, что наконец может сделать глубокий вдох.

— Мистер Прингл принимает в Дерби? — спросила она.

— По вторникам и пятницам. Могу передать ему, что вы хотите с ним говорить.

— Я сама ему напишу, если дадите адрес. Дело касается мастерской.

Он назвал улицу и номер. Айрис повторила. На одно короткое мгновение ей захотелось протянуть ему серый конверт и увидеть, что станет с лицом человека, который читает эти строки, впервые в жизни встретив имя Годфри Эванса. Она даже повернула голову к окну. С улицы под прессом виден был угол письма.

Бенедикт проследил за её взглядом. Потом снял с рукава лист, прилипший к сукну, и выронил его на землю.

— Если поедете в пятницу, — сказал он, — скажите Хартли накануне. Карета всё равно нужна в Дерби.

— Я могу взять место в почтовой.

— Можете. Тогда вам придётся ждать у ворот, а там недавно сняли навес.

Он произнёс это почти сердито. Айрис посмотрела на него. Между ними ещё оставался развёрнутый лист, который она держала обеими руками. Бенедикт тихо рассмеялся.

— Поступайте как вам удобнее, мисс Вуд.

Когда он ушёл, она отнесла договор на стол и прижала его к столешнице как раз там, где неизвестная ей девочка когда-то обвела циркулем Африку. Снаружи было холодно. Войдя в комнату, Айрис вдруг почувствовала, что рука, которой она брала лист, согрелась. Она постояла у стола, пока это ощущение не прошло.

Принглу она написала первой. Просила проверить, на каком основании Эванс требует указанную сумму, и могла ли передача закладной коснуться вещей, перечисленных в письме. Отдельно спросила, возьмётся ли он дать ей совет, если заодно ведёт дела Блэквуда. Обе квитанции она переписала, сохранив даже неверную цифру, зачёркнутую на одной из них рукой отца.

Затем написала миссис Крофт. Та знала хозяина соседнего питомника, мистера Белла, который ещё летом спрашивал, нельзя ли купить у Айрис часть взрослых деревьев. Тогда она отказала. Большие деревья отец растил для собственного образца, и расставаться с ними ей казалось всё равно что торговать его чертежами. Теперь она попросила миссис Крофт узнать, в силе ли предложение и купил бы Белл заодно верхнюю теплицу, если ему позволят разобрать её зимой. Малую теплицу, маточные растения и инструменты Айрис

перечислила на отдельном листке, чтобы не включить их по рассеянности в продажу.

Последнее письмо она адресовала Эвансу. Подтвердила получение его требования и попросила прислать свидетельство о передаче закладной и расчёт платежей. Обращение «дорогой мистер Эванс» заняло бы больше места, чем весь ответ. Она написала просто «сэр».

К вечеру лаванда почти выветрилась. Айрис убрала письмо в папку и вынесла свои конверты Хартли. Возле двери она вспомнила о пятнице и попросила место в карете. Дворецкий записал её просьбу в маленькую книжку. Ни он, ни Айрис при этом не подняли головы, хотя из дальней комнаты доносился голос Бенедикта.

Глава 10. Срок Бенедикта

В четверг мистер Прингл приехал в Холл. К обеду от его дорожного пальто просох только воротник, и пальто всё ещё висело в передней, когда он разложил на столе копии дедовых распоряжений. Бенедикт видел их столько раз, что мог бы показать, где на третьей странице писарь пропустил слово и внёс его над строкой. Прингл открыл бумаги на четвёртой.

— К первому декабря попечители должны получить подтверждение, что вы женаты и Блэквуд служит вашим постоянным семейным домом. В противном случае они вправе на пять лет взять под своё управление доходы, выделенные по распоряжению вашего деда на содержание Холла и западных земель.

— А Джулиан?

— Джулиан просит, чтобы его назначили распорядителем этих средств. Ваш дед назвал его в числе людей, которым можно поручить такое дело. Попечители вправе выбрать другого человека или оставить управление у себя. Пока что они просят счета.

Бенедикт подошёл к камину и повернул к огню мокрый носок сапога. В Дерби он бы мог жить на собственные деньги. Мэг можно было бы забрать из пансиона и нанять ей учительницу. Сам Холл и земли по-прежнему принадлежали бы ему. Он попытался представить, как объясняет Григгсу, по-

чему за починку кровли тот должен просить человека, которого видел в конюшне всего однажды и который даже тогда не спешился.

— Если они возьмут доходы, кто будет платить людям этой зимой?

— Тот, кому они поручат управление. Уже заключённые вами договоры придётся предъявить. Всё, что пока держится на вашем слове, лучше изложить письменно.

Бенедикт подумал о Григгсе, о двух людях у нижней лестницы, которых видел утром, и о миссис Хэйл. Об её письме Пеннифезеру Джулиан мог ничего не знать. Ему всё равно достаточно было прочесть в книге, сколько платят за соседние поля.

— Вы говорили с ним о соглашении?

Прингл вынул ещё один лист. Это была короткая записка, составленная его собственной рукой. Джулиан готов был снять просьбу о назначении, если Бенедикт отдаст ему на пять лет право утверждать расходы по западным землям, заключать новые договоры с арендаторами и получать долю от прироста арендных платежей.

— Значит, ему нужна та самая работа, о которой он просит попечителей.

— С той разницей, что отчитываться перед ними ему тогда не придётся.

Бенедикт взял лист и прошёл с ним к окну. Отсюда не было видно нижнего поля. Зато в просвете между стеной и бу-

ками виднелась часть флигеля. Кто-то открыл там окно и вынул руку, чтобы прижать ставню. По тёмному рукаву Бенедикт узнал платье Айрис. Ей понадобились обе руки. Ветер подхватил ставню, и она ударилась о стену с таким звуком, что он вздрогнул.

— Может он потребовать показать ему переписку с арендаторами? — спросил Бенедикт.

— Если вы согласитесь на его условия, полагаю, начнёт именно с неё.

Утром миссис Гейбл сказала Бенедикту, что платье Мэг, оставленное в Холле на Рождество, теперь наверняка будет ей коротко. Она просила позволения выпустить подол. Он ответил, что можно заказать новое, и экономка посмотрела на него с удивлением. Мэг нравилось то платье. В девять лет она выпросила себе бархатный пояс и с тех пор привязывала его, сколько бы раз ни менялся подол. Бенедикт позволил выпустить подол. Теперь он видел, как просто было ответить на этот вопрос и как трудно было дать сестре всё остальное, что он уже пообещал в письме.

— Попросите попечителей дать мне срок до весеннего расчёта, — сказал он. — Покажите им, что сейчас есть действующие заказы и что половину работ нельзя прервать до морозов. И передайте Джулиану, что его предложения я не принимаю.

Прингл собрал бумаги в стопку, оставив на столе один лист.

— Я напишу. До весны они вряд ли согласятся. К первому декабря у них уже назначено заседание, и ваш кузен знает об этом.

Бенедикт кивнул. Он ожидал, что поверенный заговорит о браке. В августе на это ушло бы меньше минуты. Теперь Прингл достал часы, заметил, что опаздывает к обеду в Дерби, и поднялся.

— Мисс Вуд написала мне о деле своей мастерской, — сказал он у двери. — Завтра я её приму. Её бумаги будут у меня отдельно.

— Она вам объяснила, в чём дело?

Прингл посмотрел на него.

— Да, милорд.

Бенедикт проводил его в переднюю. Пока Хартли подавал пальто, поверенный спросил, в котором часу лучше ждать карету в пятницу. Бенедикт сказал, что мисс Вуд рассчитывает выехать в девять. Он знал это от Хартли. Теперь ему стало неловко оттого, что ответил так быстро.

После обеда он пошёл на конюшенный двор и велел починить ставню во флигеле. На обратном пути увидел Айрис у водосточной бочки. Она держала в руке маленький нож и пыталась срезать с колышка ленту, намокшую от дождя.

— Позвольте, — сказал он.

Она отдала нож. Тот был тёплым. На рукоятке, у самого лезвия, дерево стёрлось от большого пальца, и палец Бенедикта лёг точно на выемку. Он перерезал ленту и сложил

нож.

— Это ваш отец сделал насечки? — спросил он, заметив две тонкие зарубки у конца рукоятки.

— Я. У нас были одинаковые ножи, и он всякий раз брал тот, который лучше наточен.

Она раскрыла ладонь. Бенедикт положил нож ей на пальцы. На среднем пальце виднелась мозоль, а под ногтем осталась чёрточка от грифеля. Он вспомнил, как в библиотеке она прижала папку ладонью, прежде чем попросить, чтобы поручение составили на её имя. С тех пор он привык узнавать её руку раньше, чем успевал посмотреть ей в лицо. Это было странное открытие. Он взял с колышка обрезанную ленту и свернул её вдвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.